

Алексей КУДРЯШОВ

г. Сокол Вологодской области

Её подлинное имя

(«Пароль – «Пелагея» – новая глава)

В №1-2 журнала «Север» за 2015 год был опубликован очерк Алексея Кудряшова «Пароль – «Пелагея»», рассказывающий о солдате, считавшемся пропавшим без вести, но оказавшимся живым.

Он нашел свое счастье в Швеции, а на закате жизни мечтал узнать о судьбе мамы, оставшейся на Вологодчине.

Когда номер с очерком Алексея Кудряшова уже был в типографии, журналистское расследование завершилось.

О завершении поисков мы рассказываем здесь.

Почти четверть века она, сама того не ведая, прожила не под своим именем. Но мы нашли ее – нашли мать бабаевского солдата Николая Антонова, которого до сих пор считают пропавшим без вести в Великую Отечественную, тогда как на самом деле он с 1944 года живет в Швеции под другими именем и фамилией.

...Когда пожелтевшую любительскую фотографию большой группы деревенских жителей показали Николаю Тимофеевичу, не предупредив, где тут его мама, он сразу показал на улыбающуюся старушку с краю: «Вот она...»

Повидать маму – на этом старом снимке – ему довелось лишь накануне своего 92-го дня рождения. Она тут значительно старше, чем помнилось ему, но он-то последний раз видел ее в Бабаеве в октябре 1940-го, когда она провожала его в армию. А эта фотография сделана примерно в конце пятидесятых годов.

Похоронка

В информации о пропавших без вести жителей Бабаевского района от 1951 года четко указаны фамилия, имя и отчество матери Николая – Антонова Пелагея Павловна. Кроме того, если верить все тем же обнаруженным нами документам Минобороны, в марте-мае этого года она проживала в Ладышкинском сельсовете (а не в деревне Ладышкино!) Бабаевского района и даже была допрошена о судьбе сына. Она ответила, что последнее письмо от него получила в июле 1941 года.

Военные, не утруждая себя дополнительными поисками, стали считать Николая Тимофеевича пропавшим без вести – согласно процедуре той поры, с октября 1941 года, то есть через три месяца после получения последних известий от него.

А вот теперь – наши новые находки.

В архиве бабаевского военкомата сотрудники местной газеты «Наша жизнь», побывавшие там по нашей просьбе, обнаружили лишь один документ,

имеющий отношение к Николаю и его матери. Это письмо из Управления по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава МВС СССР в Бабаевский райвоенкомат от 1 июня 1951 года. В нем предлагается известить «гр. Антонову Пелагею Павловну, проживающую в Ладышкинском с/с», что ее сын пропал без вести в октябре 1941 года. Правда, место рождения Николая указано неверно – Бабаевский район (на самом деле – Куйвозовский Ленинградской области). Но это несущественно. Важно другое: в левом верхнем углу рукописная пометка, что «извещение выписано 8 июня 1951 года».

Само это извещение – фактически похоронка на пропавшего без вести – нашлось совсем в другом месте: «Ваш сын солдат Антонов Николай Тимофеевич, 1921 года рождения, уроженец деревни Б.Сойволо Куйвозовского района Ленинградской области, находясь на фронте, пропал без вести в октябре 1941 года. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о назначении пенсии...» Именно поэтому извещение оказалось подшито в папку архива Пенсионного фонда наряду с другими документами о получении пособия по утрате кормильца.

Обнаруженная там же следующая справка, датированная 2 (или 12, или 22 – край срезан) августа 1951 года, наконец-то проливает свет на то, где жила Пелагея: «Дана Ладышкинским сельским советом Пелагее Павловне Антоновой, 1880 года рождения, проживающей в деревне Зубовская Ладышкинского сельского совета, в том, что состав семьи ее – ее сын, Антонов Николай Тимофеевич, пропал без вести в октябре 1941 года. Больше в состав ее семьи никто не входит. Проживает одна... Справка дана для предоставления в райсобес для назначения пенсии».

В то время в состав Ладышкинского сельсовета входило, помимо собственно Ладышкина, порядка двадцати деревень. Многие сейчас уже нет, как нет и сельсовета: теперь это территория Санинского сельского поселения. Деревня Зубовская находилась примерно в километре-двух от Ладышкина, за речкой, рядом с тем кладбищем, где мы и искали могилу Пелагеи. Увы, но Зубовской давно уже нет, как и ее жителей, не осталось даже развалин – просто перепаханное поле. Была эта деревенька небольшая, домов десять, жили там (кого вспоминают старожилы из соседних деревень) семьи Синявиных, Поповых... Был еще колоритный старичок, смоливший папиросу за папиросой, – его звали дед Трубка. Были там и семьи с малыми детьми, в одной из которых, вероятно, и проживала в качестве няни Пелагея.

Но вот другой документ из пенсионного дела, датированный 15 октября 1951 года: «Выписка из протокола №146 заседания комиссии по назначению пенсий инвалидам войны и семьям военнослужащих. СЛУШАЛИ: заявление Антоновой Пелагеи Павловны (адрес заявителя: Волковской сельский совет, деревня Село) о назначении пенсии в связи со смертью военнослужащего Антонова Николая Т. (солдат пропал без вести в октябре 1941 года). Состав семьи: Антонова П.П., мать, 1880 года рождения, нетрудоспособная. ПОСТАНОВИЛИ: назначить пенсию с 1 декабря 1947 года 50 рублей пожизненно».

Таким образом, только в октябре 1951 года Пелагея начала получать пенсию за Николая, очевидно, ей выплатили сразу за 4 года (по-видимому, существовало какое-то распоряжение назначать пенсии только спустя 6 лет после даты, с которой член семьи считается пропавшим без вести). Но нам важно другое: здесь указано иное место жительства Пелагеи! В промежуток между августом и 15 октября 1951 года она фактически вернулась поближе к деревне Слатинская, которая тогда относилась к Волковскому сельскому совету. Упомянутая в документе деревня Село – это старое название существующей и ныне деревни Пожарище, что в нескольких километрах от Волковы и Слатинской.

И вот тут все запутывается окончательно.

Напомним: в Слатинской Пелагея и Николай жили в доме на две семьи, соседями их были Кругловы. Половина дома, принадлежавшая Кругловым, и по сей день стоит в Слатинской, но там никто не живет. А вот половины, в которой жила Пелагея, сейчас нет, на этом месте к половине Кругловых пристроен сарай. Как оказалось, Пелагея продала свое жилище, его разобрали и увезли в Бабаево.

Мы нашли человека, который его у нее купил. Но он с уверенностью утверждает, что было это в октябре 1948 года и Полю – так он называл Пелагею – буд-то бы сразу перевезли в другой дом в деревню Село, будущее Пожарище.

Однако, если верить похозяйственным книгам Слатинской, Пелагея покинула эту деревню только в августе 1950 года, причем уехала в Ладышкино. Более того: в деревне Село (Пожарище), согласно похозяйственным книгам, никакая Пелагея Антонова никогда не проживала!

Сделка века

90-летний Иван Михайлович Архипов живет в своем небольшом, но аккуратном желтом домике практически в центре Бабаева – на улице Свердлова. А тогда, в 1948-м, своего жилья у него не было. Но он много работал в лесу, поднако-

пил кое-какие сбережения и подыскивал себе дом. Знакомый лесник подсказал ему, что в деревне Слатинская полдома (если разобрать, перевезти и снова собрать, из этой половины получится вполне себе самостоятельный домик) продает одинокая старушка – Поля-финка.

Иван Михайлович отправился в Слатинскую. По его словам, дом ему понравился, хоть и был внутри изрядно закопчен, поскольку там использовалась не русская печь, а нещадно дымивший, кое-как сложенный финский камин («потомков» такой конструкции используют и поныне в саунах).

О цене договорились сразу же, бабушка Поля не торговалась, – 800 рублей «новыми» (в 1947 году прошла денежная реформа, отменившая карточки и ударившая в основном по спекулянтам). Договоров купли-продажи тогда никаких не было, он отдал ей деньги – и сделка состоялась. Жила Поля-финка, вспоминает Иван Михайлович, очень бедно, имущества у нее почти не было, только козочка, которую держала прямо в доме, – она была как член семьи...

– Если бы я не купил тогда дом, – признается сейчас Иван Михайлович, – не знаю, дожила ли бы Поля до зимы...

Он и сейчас живет в том самом домике, когда-то принадлежавшем Пелагее. Крышу только перекрыл да досками обшил. Этот желтый домик в центре Бабаева, купленный за 800 рублей, еще помнит Пелагею...

Кстати, 800 рублей – много это или мало в тогдешнем (напомним, шел 1948 год) масштабе цен? Судите сами. Работающая в колхозе изо дня в день семья крестьян из двух человек за год могла получить, если перевести трудодни в денежный эквивалент, порядка 670 рублей. При этом кило ржаного хлеба можно было купить за 3 рубля 20 копеек. В то же время, согласно приказу Министерства торговли от 14 декабря 1947 года, хлопчатобумажное женское платье на селе (там цены традиционно были выше городских) стоило 86 «новых» рублей, валенки – 216 рублей, женские туфли – 288 рублей, радиоприемник «Рекорд» – 600 рублей, а фотоаппарат «ФЭД» – и вовсе 1100 рублей. Получается, на вырученные за дом деньги Пелагея могла купить лишь валенки да радиоприемник...

С помощью добрых людей, не оставлявших вниманием одинокую старушку, Пелагее удалось как-то продержаться до осени 1951 года, когда ей назначили пенсию за сына.

Пенсия по утрате кормильца на войне составляла в городе 200 рублей в месяц, на селе – 100. Это если на него приходила похоронка. А если человек пропа-

дал без вести – вдвое меньше. Пособие мог получать только один член семьи, причем пожизненно.

У Пелагеи наконец-то появился регулярный источник дохода. Впоследствии размер пенсии, согласно архивному делу Пенсионного фонда, дважды пересчитывали. Так, с 1 января 1961 года (произошла деноминация) пособие стало 16 рублей, с 1 октября 1965 года – 21 рубль.

Выплата была прекращена с февраля 1975 года «в связи со смертью получателя»...

Что в имени тебе моем?

В архивном деле Пенсионного фонда подшита еще одна справка от 7 июля 1971 года. Выдана Антоновой Пелагее, проживающей в деревне Пожарище Волковского сельского совета. Указано, что она не является членом колхоза и имеет лишь земельный участок 0,06 га (стандартные для советской семьи 6 соток). Очевидно, эта справка предназначалась в налоговую инспекцию, чтобы освободить Пелагею от налоговых выплат (между прочим, за козу, которую она держала, в свое время нужно было платить налог – 140 рублей в год; а на корову – и все 200).

Подытоживаем: в период с октября 1951 года до самой смерти в 1975 году Пелагея Антонова проживала в деревне Пожарище, которая раньше называлась Село.

Но в похозяйственных книгах деревни Пожарище (сохранились за 1964–1975 годы) нашлась только одна жительница с фамилией Антонова – некая Аполлиария (встречаются и другие написания имени – Апполиария, Аполиарья) Антоновна, 1880 года рождения. Однофамилица? Но где тогда Пелагея, получавшая именно там пенсию за сына?

Как нам сообщили, паспорта ни на имя Антоновой Пелагеи Павловны, ни на имя Антоновой Аполлиарии Антоновны не выдавались вообще, а все документы (эти самые похозяйственные книги) заполнялись со слов самих жильцов. Пелагея, как рассказывают оставшиеся в живых ее односельчане, никогда не называлась полным именем, ее все знали как бабушку Полю. А в русском языке Поля – это уменьшительная форма имени как Пелагея, так и Аполлиария, причем вариант Аполлиария (то есть Полина) распространен больше, чем Пелагея. Кроме того, в этих похозяйственных книгах нет подписи самой Пелагеи-Аполлиарии, но указано, что национальность у нее – финка (хотя в записях 1973–1975 годов она почему-то стала русской) и что она неграмотная. А у финнов нет отчества. Вот так и превратилась Поля-финка, урожденная Пелагея,

сама того не подозревая, в Аполлинару. А отчество ей, раз никто не знал, «сфабриковали» на основе фамилии – Антоновна. Она же неграмотная, все равно не могла прочесть, как ее зарегистрировали...

Забавно: Пенсионный фонд исправно перечислял пособие Пелагее, а получала его... Аполлинурия.

В «зимовке»

Деревня Пожарище – это порядка пятнадцати Духоженных домов со спутниковыми антеннами и даже детскими игровыми площадками. Согласно данным на 2010 год, там было зарегистрировано всего два человека. Но в декабре 2014-го, когда мы туда наведались, в деревне постоянно проживала только Серафима Никифоровна Макарова. Она и показала нам дом, где когда-то жила семья Зайцевых. Глава семьи был председателем колхоза.

А за этим домом, практически соединяясь с ним, стояла в свое время «зимовка» – полноценный небольшой домик с печью. В нем и жила баба Поля.

Рядом росла живописная березка, и в 70-е, когда фотоаппараты стали доступными, возле нее полюбили сниматься деревенские девчата. Эти фотографии и сейчас украшают семейные альбомы. А на заднем плане там, справа – стена того самого дома, где жила бабушка Поля. Правда, самой бабушки ни на одной фотографии нет. Нам удалось найти только один групповой снимок жителей Пожарища, где она стоит с краешку и улыбается фотографу.

Сейчас уже нет ни березки, ни дома ее – после смерти хозяйки он какое-то время использовался как амбар, а потом был разобран на дрова. Все, кто знал бабушку Полю, либо умерли, либо переехали в другие поселки.

*Жители Пожарища.
Пелагея крайняя справа*

Например, живущая сейчас в деревне Александровская, а с 1966 года проживавшая в Пожарище Валентина Григорьевна Самойлова, которой 76 лет, вспоминает, что баба Поля никогда не отлынивала от каких-нибудь общедеревенских дел, жила более чем скромно, держала козочку и кур. Всегда была приветлива и с удовольствием возилась с соседскими ребятишками – «подрабатывала» няней, но не за деньги, а по доброте душевной. С ней всегда можно было оставить ребенка, чем соседи и пользовались. Но и без внимания добрую старушку не оставляли – то картошки принесут, то грибов-ягод, то дров привезут... Кстати, Поля-финка сама всегда пилила дрова – крепкая она была, не болела никогда. И на жизнь свою не жаловалась.

Мария Даниловна Зайцева была в то время почтальоном. Именно она приносила бабе Поле пенсию за сына. Получая более чем скромную сумму, старушка, как она рассказывает, иногда вздыхала: «Вот был бы жив мой Колюшка, я бы лучше жила...»

Она была уверена, что сын умер. Она не знала и не узнала никогда, что ее Колюшка не только

выжил и обзавелся большой семьей, но и получил шведское гражданство. Вот только имя у него теперь было другое.

Это какая-то злая ирония судьбы: она ведь тоже жила не под своим настоящим именем.

Смерть Пелагеи

С тяжелым сердцем приступаю я к рассказу о последних днях Пелагеи. Никогда бы не подумал, что она, испытавшая и изгнание, и голод, и нужду, и потерю сына, проживет такую долгую жизнь – 95 лет.

...Январь 1975 года выдался морозным. Баба

Поля, никогда не обращавшаяся к врачам, вдруг занемогла и перестала выходить на улицу. Обеспокоенные соседи приходили ее проводить, топили печь, кормили. Она лежала в кровати и уже не вставала. Валентина Григорьевна Самойлова вспоминает, как они со свекровью пришли однажды утром затопить бабе Поле печь и увидели, что старушка лежит рядом с кроватью – упала ночью. Они подняли ее, уложили. Она еще дышала, но сознание уже покинуло ее.

Так, в забытии, она пролежала несколько дней. А когда 20 января зашли ее навестить, баба Поля уже преставилась. Умерла она так же, как и жила, – тихо, не мучаясь, не доставляя никому хлопот...

Мы получили в загсе повторное свидетельство о ее смерти – не Пелагеи, конечно, а Аполлинарии (в документе – Аполинарьи) Антоновой. Документы оформлялись в Волковском сельсовете по заявлению ее соседа, ныне тоже покойного Василия Анисимова; очевидно, в свидетельство просто вписали данные из похозяйственной книги. Единственное, что непонятно: в свидетельстве о смерти, единственной из найденных нами бумаг, указана дата ее рождения – 2 октября 1880 года. В похозяйственных книгах эта дата нигде не фигурирует... Но бог с ними, с неясностями. Их еще много в ее судьбе, и не на все вопросы можно найти ответы. А вот где она нашла последнее пристанище, мы теперь знаем.

...Пелагею, которую последние 20 лет жизни все считали Аполлинарией, похоронили всей деревней на сельском кладбище близ деревни Волкова. Сначала за могилкой одинокой старушки односельчане ухаживали, обкладывали дерном, но потом кто

умер, а у кого уже нет сил следить за скромным холмиком... Но мы нашли двух человек, которые и смогли нам показать, где похоронили Пелагею.

Сейчас это просто бугорок мерзлой земли меж огромными елью и березой. Без креста, без таблички с именем. Один край притоптан – народ срезал путь.

Мы попытались хоть немного облагородить могилу – поставили временный крест, положили цветы, но сейчас земля замерзла, сделать ничего нельзя. Весной, когда потеплеет, мы – все, кто участвовал в поисках, – поставим настоящий крест и прикрепим табличку с настоящим именем и годами жизни...

Пусть это будет наша запоздалая благодарность ей за то, что, несмотря на испытания, не ожесточилась, не разучилась улыбаться. Выдержавшая всё бабушка Поля достойно прожила долгую жизнь, но так и не узнала, что на самом деле стала бабушкой...

Автор благодарит за неоценимую помощь в поисках администрацию Санинского сельского поселения, редакцию бабаевской районной газеты «Наша жизнь», сотрудников районных военкомата, загса, архива и Управления Пенсионного фонда, местных жителей Веру Владимировну Зайцеву, Анну Григорьевну и Валентину Григорьевну Самойловых, Марию Даниловну Зайцеву, Ивана Михайловича Архипова, а особенно – Любовь, Николая и Александра Антоновых, без деятельного и неутомимого участия которых мы так никогда и не узнали бы о судьбе Пелагеи Антоновой.

□

Алексей Анатольевич КУДРЯШОВ

родился в 1969 году в городе Соколе Вологодской области.

Окончил факультет журналистики СПбГУ,

работал в областной прессе –

от специального корреспондента до главного редактора.

В настоящее время – ответственный секретарь вологодской областной газеты «Премьер – новости за неделю».

Помимо журналистики, занимался остросюжетной прозой и переводами с английского.

Публиковался в газетах и журналах Вологодской области и Санкт-Петербурга, переводы выходили в книгах московских и петербургских издательств.

Член Союза журналистов России.

